

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.8>

UDC 130.2
LBC 87.52

TRANSFORMATION OF LOCAL PRIVACY IN EUROPEAN CULTURE

Lesya V. Chesnokova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The author examines the changes in the local aspect of privacy in European culture. The research is based on the concept of privacy studies, which is actively developing in Western humanities examining the question of how the boundaries between private and public space affect the relationship between a person and society in various socio-cultural contexts. Privacy studies act as an integrative discipline combining research in the field of philosophical and cultural anthropology, sociology of culture, social and cultural history and other human sciences. In this article, the author makes an attempt to trace how changes occur in society consciousness what have expands the boundaries of local privacy, and how they are related to such philosophical categories as freedom, individualism, human dignity, which have been developed in Modern European society. It is argued that there is a reciprocal relationship between the need for a private space and respect for human individuality. In the pre-industrial era the human did not exist as an independent individual, but was included in the family community. The boundaries between public and private life were unclear. The house performed many functions: it provided its residents with physical and social protection, shelter and food, education and work. There was no differentiation of premises by functional purpose, there was no division into the sphere of labor and the sphere of leisure, a rigid separation of male and female activities. In the era of Modernity, changes associated with industrialization and urbanization begin to occur in society. Individualism is developing, which has become the socio-cultural foundation of privacy. The house loses some of its former functions and turns into a private space of a small family based on love and care. There is a differentiation of living spaces, the need for privacy and comfort is growing. Now a woman does not participate in productive work, dealing exclusively with the home and raising children, which is understood as her natural destiny. If in the 19th century private space existed only among the affluent strata, then in the 20th century, along with the growth of well-being, large segments of the population can afford separate housing. In the 21st century, with the advent of the era of globalization, people often change their homes in search of work. The development of Internet technologies blurs the boundaries of local privacy.

Key words: local privacy, private space, traditional culture, bourgeois culture, modern times, individualism, small family.

Citation. Chesnokova L.V. Transformation of Local Privacy in European Culture. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 72-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.8>

УДК 130.2
ББК 87.52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ПРИВАТНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Леся Владимировна Чеснокова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается изменение локального аспекта приватности в европейской культуре. Исследование опирается на концепцию *privacy studies*, активно развивающуюся в западной гуманитаристике, в которой изучается вопрос, каким образом границы между приватным и публичным пространствами воздействуют на взаимоотношения человека и общества в различных социально-культурных контекстах. *Privacy studies* выступают как интегративная дисциплина, объединяющая исследования в области философской и культурной антропологии, социологии культуры, социальной и культурной истории и других

наук о человеке. В данной статье предпринимается попытка проследить, каким образом происходят изменения в сознании социума, трансформировавшие границы локальной приватности, и как они связаны с такими философскими категориями, как свобода, индивидуализм, человеческое достоинство, получившими свое развитие в европейском обществе Нового времени. Утверждается, что существует реципрокная связь между потребностью в приватном пространстве и уважением человеческой индивидуальности. В доиндустриальную эпоху человек не существовал как независимый индивид, а был включен в семейную общину. Границы между публичной и приватной жизнью были нечеткими. Дом выполнял множество функций: предоставлял своим жильцам физическую и социальную защиту, кров и пропитание, образование и работу. Не существовало разграничения помещений по функциональному назначению, не было разделения на сферу труда и сферу досуга, жесткого разделения мужской и женской деятельности. В эпоху Нового времени в обществе начинают происходить изменения, связанные с индустриализацией и урбанизацией. Развивается индивидуализм, ставший социокультурным фундаментом приватности. Дом утрачивает часть своих былых функций и превращается в приватное пространство малой семьи, основывающейся на любви и заботе. Происходит дифференциация жилых помещений, растет потребность в уединении и комфорте. Теперь женщина не участвует в производительном труде, занимаясь исключительно домом и воспитанием детей, что понимается как ее природное предназначение. Если в XIX в. приватное пространство существовало только у обеспеченных слоев, то в XX в. вместе с ростом благосостояния отдельное жилье могут позволить себе широкие слои населения. В XXI в. с наступлением эпохи глобализации люди часто меняют жилье в поисках работы. Развитие интернет-технологий размывает границы локальной приватности.

Ключевые слова: локальная приватность, приватное пространство, традиционная культура, буржуазная культура, Новое время, индивидуализм, малая семья.

Цитирование. Чеснокова Л. В. Трансформация локальной приватности в европейской культуре // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 72–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.8>

Локальная приватность – наиболее очевидный материальный аспект приватности, который связан с определенным местом, локацией в границах собственных четырех стен. Однако под приватностью домашней жизни имеется в виду нечто большее, нежели некая часть пространства: в обществах Нового времени такие «атрибуты пространства как защищенность и надежность, теплота и укромность, а также возможность уединения связываются с приватностью и противопоставляются публичности» [Beuyvers et al. 2017, 3].

С одной стороны, это место, где можно побыть наедине с самим собой, в уединении, предаваться размышлениям и творчеству, обладая «своей комнатой» в смысле В. Вулф [Вулф 2019]. С другой стороны, приватное жилье является пространством семейных отношений. С XIX в. семья воспринимается как место тепла и уюта, заботы и любви в противоположность холодно-рациональным отношениям внешнего мира, где приходится бороться за выживание во враждебной конкурентной среде. В приватной семейной сфере действуют другие формы взаимоотношений, чем в публичном пространстве. Здесь «господствуют не рациональность, власть и расчет, а отношения любви и заботы» [Ritter 2008, 40–41].

Именно потому, что в приватном пространстве можно расслабиться, снять социальную маску, эти отношения нуждаются в защите со стороны как государственных законов, так и общественных норм.

Социальные нормы, регулирующие границы приватного и публичного, присутствуют практически в каждом обществе. Они влияют на основные сферы жизни индивидов, малых семейных групп и общества в целом. Человек нуждается как в приватном пространстве, так и во взаимодействии с другими членами общества. Однако, по мнению А. Уэстина, «не существует универсальной потребности в приватности» [Westin 2007, 60], поскольку традиции и обычаи всех народов обусловлены различными условиями существования.

Что касается европейской культуры, то в современном понимании она возникает в эпоху Нового времени вместе с развитием индивидуализма. «Будучи человеческой потребностью, приватность во многом зависит от историко-культурного контекста. В разных обществах имеется разная степень потребности в “праве быть оставленным в одиночестве”» [Чеснокова 2020, 440].

Условием возникновения приватности у индивида является наличие собственной тер-

ритории и свободного времени (досуга). Долгое время и то, и другое представляло собой роскошь. В Европе возможность иметь приватное помещение появляется вместе с ростом среднего класса и повышением уровня жизни. В европейском культурном пространстве можно проследить значительные изменения при переходе от семейной общины до возникновения буржуазной малой семьи.

Масштабные сдвиги в сознании социума, изменившие границы между публичным и приватным пространствами, опирались на перемены, связанные с развитием таких философских категорий, как свобода, индивидуализм, неприкосновенность личности, человеческое достоинство, получивших свое распространение в европейском обществе Нового времени. Индивидуализм предполагает как право, так и обязанность принимать решения относительно своей судьбы и нести ответственность за последствия личного выбора. Существует реципрокная связь между потребностью в приватном пространстве и уважением человеческой индивидуальности, прописанной в нормах и обычаях общества.

Право на приватность предполагает защиту личности от нежелательного вмешательства со стороны общества и государства, неприкосновенность тела, территории, убеждений, мыслей, информации о себе. Признание индивидом и обществом права на неприкосновенное личное пространство основывается на западных либеральных ценностях, в которых приоритет отдается суверенности и автономности отдельной личности.

По словам Й. Айбаха, Европа в доиндустриальную эпоху может быть описана как «общество домохозяйств». «В сословном обществе дом – основа хозяйствования и социальной интеграции, а также модель правового и политического порядка» [Eibach 2015, 19]. Дом, существовавший до эпохи Нового времени, понимается историками как единство, целостность – «целый» дом» («das ganze Haus»). Он значительно отличался от дома современной семьи, так как не знал разделения на досуг и работу, приватную и публичную сферы. Человек был включен в семейную общину, а та – в деревенскую или городскую.

В истории Европы до эпохи индустриализации дом имел особое значение, представляя

собой объединение совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство людей, будучи моделью общественной организации и порядка. «Именно эта нормативно-идейная функция превращает дом в символ той эпохи, структурные изменения которой начались в период между 1750 и 1850 годами, когда произошел переход в эпоху Нового времени и возникли различия между «целым домом» и «буржуазной семьей» [Schmidt-Voges 2015, 1].

Домашняя община не была автономной. Она была включена в мир сельской или городской общины и вносила свой вклад в ее защиту и выживание. До наступления эпохи Нового времени образ жизни людей значительно отличался от современного. Большинство населения составляли крестьяне и ремесленники, которые вели тяжелую и полную лишений жизнь. Отсутствие медицинской помощи и гигиены вызывали огромную детскую смертность, поэтому к маленьким детям старались не привязываться. «Ребенок в каком-то смысле оставался анонимным» [Арьес 1999, 9].

В этом мире границы между приватной и публичной жизнью были еще нечеткими, не было локальной приватности в современном значении этого слова. Ранее семья представляла собой более широкое понятие, чем сегодня, в которое входили близкие и дальние родственники хозяев дома, батраки, слуги. Привычный нам сейчас термин «семья», включающий в себя более тесное общество родителей и детей, возникает только к концу XVIII века.

В доиндустриальную эпоху отдельный человек не понимался как индивидуум в современном смысле этого слова, а определялся через домашнюю общину, в которой он жил. «Дом делал человека членом общества. Человек, живущий вне дома, считался бездомным... Только член домашней общины был защищен в правовом смысле. Полноправным членом сословно-феодального общества считался женатый хозяин дома» [Dülmen 2005, 14], который был официальным представителем дома, принимал все важнейшие решения, обеспечивал защиту и пропитание, решал внутрисемейные конфликты и был ответственен перед обществом за поведение домочадцев. Это касалось всех слоев общества: от крестьян, живущих в деревенской общине, до дворян,

включенных в политические союзы. Домашняя иерархия основывалась на религиозной легитимации, и поэтому непослушание отцу семейства со стороны домочадцев воспринималось как нарушение божественных заповедей.

По словам Р. Ван Дюльмена, в тех условиях «дом должен был брать на себя множество задач и функций, которые сегодня решают различные институты» [Dülmen 2005, 14]. Задачами такой семьи прошлого было сохранение имущества, совместное осуществление хозяйственной деятельности, повседневная взаимовыручка и защита в мире, где предоставленный самому себе человек не смог бы выжить. Любовь и симпатия между членами семьи и даже между мужем и женой еще не были обязательны; приоритет отдавался более материальным вещам.

Существовали активные социальные контакты и за пределами семьи: между соседями, близкими и дальними родственниками, покупателями и продавцами. Дом был открыт для посетителей. «В былые времена уединение понималось совсем не так, как сегодня. Даже в XIX веке разделить одну кровать с незнакомым человеком в гостинице было обычным делом. Слуги нередко спали в изножье хозяйской кровати» [Брайсон 2014, 465].

Х. Хайдрих, исследуя организацию жилого пространства в Европе начала Нового времени, отмечает, что в устройстве дома отсутствовало разграничение помещений по их назначению. «В скудном интерьере нет предметов, которые позволили бы судить об их принадлежности определенному лицу. К тому же, при всех имущественных различиях между жителями деревни, интерьер везде почти одинаков» [Хайдрих 1996, 202], поскольку крестьянин того времени не стремился придать своему жилью индивидуальные черты.

Даже в богатых семьях нельзя было уединиться. Дом состоял из анфилад смежных комнат, используемых для любых целей: еды, сна, встреч с друзьями и клиентами и т. д. Постоянное взаимодействие между людьми никому не давало побыть в одиночестве. По словам Ф. Арьеса, такое «отсутствие личного пространства долгое время мешало развитию чувства семьи» [Арьес 1999, 398].

В соответствии с тогдашними жилищными условиями территория дома служила за-

щитой в большей степени от непогоды, чем от чужих взглядов. Такие интимные, с нашей сегодняшней точки зрения, процессы, как отдых, сон, сексуальная жизнь, рождение, болезни и смерть протекали в помещениях, которые не были закрыты для посторонних глаз. Если влюбленные искали места для уединения, они скорее могли найти его в саду, нежели дома.

До XIX в. редко существовало разделение на публичную и приватную жизнь. В традиционном обществе жилье и труд были тесно связаны между собой. Продуктивный и репродуктивный труд в рамках одного домохозяйства часто происходили на территории дома. Это в первую очередь относилось к тем домохозяйствам, «чей экономический базис был тесно связан с недвижимым имуществом и земельной собственностью, как-то: крестьянское хозяйство, дворянская собственность или ремесленное хозяйство. Но также и в торговых конторах, трактирах, аптеках, врачебных практиках жилье и работа были тесно связаны друг с другом» [Schmidt-Voges 2015, 5].

Поскольку проживание и работа были объединены под одной крышей, «дом был доступен для чужих людей, для покупателей, клиентов, соседей и т. п. Хозяин дома так же принимал участие в домашней жизни, как и хозяйка, и дети помогали в лавке, конторе или мастерской, то есть все домочадцы выполняли разные виды работ» [Hatje 2015, 506].

Хотя женщина в большей степени занималась домашним хозяйством, не существовало жесткого разделения мужского и женского труда. То, что женщина была преимущественно занята в домашнем хозяйстве, не означало, что она была исключена из продуктивной деятельности. Считалось «само собой разумеющимся, что хозяин дома мог рассчитывать на поддержку жены, особенно во время сбора урожая, на ее помощь в ремесленной мастерской или в купеческих делах. Особенно это касалось бедных и средних домохозяйств» [Dülmen 2005, 44]. В целом чем беднее и проще был дом, тем больше вклад женщины в производство, хотя и тогда считалось, что основной ее сферой деятельности является быт и семья.

Исследования, проводимые во многих европейских регионах, показали, что «женщи-

ны в соответствии со своей социальной средой работали в мастерских, вели бухгалтерский учет, организовывали продажу товара, то есть принимали участие в производительном труде» [Schmidt-Voges 2015, 5].

Хозяин дома, как правило, представлял дом вовне. Он осуществлял все официальные внешние контакты, в зависимости от своего социального статуса занимался торговлей и покупкой недвижимости или обрабатывал пашню и ухаживал за крупным скотом. Поскольку мужчина был ответственным за деятельность дома перед обществом, из этого вытекало его главенствующее положение в семье.

Женская деятельность в эпоху раннего Нового времени в обеспеченных слоях общества преимущественно заключалась в управлении домом. По описанию Р. Хабермас, в задачи хозяйки большого дома входил не только присмотр за персоналом, она была ответственна также за производство и обработку продуктов, часть из которых шла на продажу. Хозяйка дома занималась разведением птицы, пчел, выращиванием овощей и фруктов, а также изготовлением одежды. Идеалом был образ матери семейства, неустанно заботившейся о семье. Примечательно, что еще в XVIII в. хозяйка дома описывает в письмах свою трудовую деятельность с гордостью и удовлетворением, она знает, как важна эта работа для благосостояния семьи. И действительно, «она имела все основания гордиться своим трудом, поскольку ее работа по руководству домом требовала значительных профессиональных знаний и не меньших деловых способностей, представляя собой существенный и необходимый источник доходов для семьи» [Habermas 2002, 43].

В эпоху раннего Нового времени в обществе стали происходить значительные изменения. Дом утрачивает свои былые функции физической и социальной защиты. Ранее хозяин дома был обязан защищать домочадцев от внешних врагов. Постепенно с включением дома в деревенскую или городскую общину права и обязанности стали переходить к публичным институтам. Слуги были постепенно исключены из семейной общины. С распространением в XVIII в. больничных касс, помощи вдовам и сиротам произошло освобождение дома от социальных обязанностей.

Защита со стороны хозяина дома постепенно концентрировалась только на членах его малой семьи.

Вместе с процессом индустриализации произошло освобождение семьи от функции производства. С отделением дома от производства, а досуга от рабочего времени семья смогла стать тем, чем она является сегодня: общностью, основывающейся на интимности. Кроме того, семья была освобождена от образовательной обязанности. Ранее дети воспитывались, как правило, дома. Они учились на практике и следовали затем профессии отца. С введением всеобщей народной школы в XVIII в. функции социализации все в большей степени переходили в руки публичных образовательных учреждений.

Результатом социальных перемен было изменение репродуктивного поведения. Изначально до XIX в. люди стремились иметь как можно больше детей, так как смертность была очень высокой, а они рано включались в трудовую жизнь и впоследствии обеспечивали в старости родителей. Позднее развитие медицины и распространение гигиенических навыков уменьшили детскую смертность. В XIX в. начинает практиковаться планирование рождаемости.

Таким образом, домашняя община начинает меняться в результате процессов индустриализации и урбанизации. Усложнение общественной жизни и развитие новых социальных институтов привели к освобождению семьи от многих функций, что создало новые условия жизни и высвободило место и время для других занятий. Р. ван Дюльмен выделяет в этом смысле 2 фактора:

1. Лишение функций защиты, суда и производства уменьшило патриархальную власть отца семейства. Хотя партнерские отношения в семье еще долгое время не возникали, однако ограничение патриархальной власти создавало долговременные условия для эмансипации женщины и детей.

2. С утратой этих функций возникло свободное пространство, создававшее условия для возникновения приватной сферы, которую можно было организовать по своим желаниям [Dülmen 2005, 22]. В результате освободилось место и время для развития на территории дома интимных семейных отношений.

Институты воспитания, образования и медицины в XIX в. получают все большее значение и доверяются профессионалам. Сегодня имеются социальные и медицинские службы, юристы и психологи, то есть множество специалистов, выполняющих те функции, которые в раннее Новое время были делом самих домочадцев, а также их родственников, соседей и церкви.

Теперь общение людей между собой становится все более избранным. «Открытые формы общения в доме на протяжении XIX века все более ограничивались, регулировались и формализовывались. Это относится к тщательному отграничению частных пространств из всех домашних помещений, предназначенных для посетителей, установление четко оговоренных часов для визитов» [Eibach 2015, 34]. Общение становится более социально замкнутым, усиливаются формальность и требования этикета. Более не принято приходить в гости в любое время: в доме устанавливаются специальные приемные дни и часы, ограждающие частное пространство от непрошеного вторжения. Наиболее строго эти правила соблюдаются в буржуазной среде.

Переход от сословного к индустриальному классовому обществу проявился в том числе и в пространственном разделении между продуктивным и репродуктивным трудом. Произошло разделение мужского оплачиваемого труда в конторе или на фабрике и женского неоплачиваемого труда в домашнем хозяйстве. Сфера деятельности женщины существенно изменилась. В буржуазном обществе появились домохозяйки нового типа, основной задачей которых являлось создание интимной домашней атмосферы. «Ценой почти всех социальных отношений, за которые теперь отвечал муж, домохозяйка нового типа стала хранительницей домашнего очага, гарантировавшего детям хорошее воспитание и образование, а мужу – отдых и расслабление после рабочего дня» [Dülmen 2005, 8–49].

Чем больше времени человек взаимодействует в сельской, городской или церковной общине, тем большее влияние на него оказывают соседи, знакомые, дальние родственники. Когда же общение с ними сокращается, приоритет получают отношения внутри малой семьи. «Вслед за чувством семьи развива-

ются понятия о частной жизни и семейной близости. Они не получают никакого развития, когда дом слишком открыт; для них нужен минимум закрытости. Долгое время условия жизни не позволяли семье отгородиться от внешнего мира» [Арьес 1999, 374].

Ф. Арьес связывает с уходом семьи с улицы, с площади, из коллективной жизни, и ее замыканием в домашних стенах новое понимание домашнего пространства. Новая организация дома стала возможной благодаря изоляции комнат, соединявшихся между собой через коридор вместо бывшей анфилады и их специализации в зависимости от назначения (зал, спальня, детская, кухня и т. п.). Дом превращается в жилое пространство малой семьи. В результате возникает большая степень привязанности между родителями и детьми. Распространяется не существовавшая ранее потребность в интимной семейной жизни, а также в уединении.

Вместе с этой потребностью рождается потребность в комфорте как атрибуте личного пространства. Хотя возможность оградить и благоустроить свое частное пространство в то время была только у обеспеченных и образованных слоев общества, а бедняки не могли скрыть свою домашнюю жизнь от чужих глаз, однако с течением времени в домашних культурах Европы начала Нового времени происходила медленная трансформация. «Несмотря на региональные и социальные отличия, дома постепенно становились более солидно построены, лучше отапливаемы и освещены и более богато обставлены. Они насчитывали больше помещений, которые были отделены друг от друга: для людей, для животных и в зависимости от занятий разными видами деятельности» [Sarti 2015, 193]. Изменения соответствовали старым привычкам и потребностям, а также стимулировали новые.

Дифференциация домашних помещений была связана с постепенным усилением роли индивидуума в образованных сословиях. Теперь ему требуется собственное пространство, где бы он мог заняться самообразованием, чтением, размышлениями или общением с друзьями. Наиболее строго свое частное пространство охраняли буржуазные семьи. Для светских приемов существовали особые

репрезентационные помещения, обставленные так, как семья хотела показать себя обществу. Имелись также рабочие и жилые комнаты для членов семьи и, конечно, private пространства, которые были закрыты для чужих взглядов.

Наиболее очевидный признак перехода к Новому времени – «сведение домашнего хозяйства к нуклеарной семье, эмоционализация внутрисемейных отношений, а также разделение жилья и работы. Дом превратился в private убежище, в место отдыха, куда возвращается мужчина, и единственной сферой влияния женщины, чьи задачи были ограничены воспитанием детей и демонстрацией буржуазной добропорядочности в материальном, эстетическом и нравственном смысле» [Natje 2015, 503].

Идеал семьи был центром буржуазной культуры. Семья состояла из родителей и детей, была отгорожена от внешнего мира и производства, основывалась на взаимной любви и заботе. Поддержание семейной атмосферы входило в сферу ответственности буржуазной женщины, которая «считала ее своей задачей и благодаря достаточному доходу супруга и отца, а также наличию слуг, должна была иметь достаточно средств и досуга» [Budde 2009, 25]. Новая семья в гораздо большей степени, чем раньше, основывается на личной симпатии. Теперь немалое значение придается личным качествам человека, а не его имущественному или сословному положению. Большое внимание уделяется духовной и эмоциональной близости супругов.

Сфера private воспринимается как противоположность миру работы, где человек принадлежит не самому себе, а выполняет какую-то функцию, играет социальную роль, будучи вынужденным приспособляться к условиям окружающей среды. В собственном же доме человек может хотя бы на время забыть о своих проблемах и заботах. Происходит идеализация домашней сферы, которая описывается как некое свободное пространство, характеризующейся досугом, комфортом и семейной гармонией. Здесь нет диссонансов, конфликтов, угроз и напряжений внешнего мира.

Разделение гендерных ролей, согласно которому для мужчин был предназначен мир

профессии, а для женщин – мир дома, основывалось на представлениях о «врожденных» половых характерах. «Женщины во взглядах того времени характеризовались как пассивные, эмоциональные, иррациональные, приспособляющиеся, слабые, прилежные и скромные. Мужчины – как активные, самостоятельные, храбрые, рациональные, энергичные и открытые миру» [Budde 2009, 25]. Подобное полярное разделение гендерных характеров служило фундаментом для системы патриархального господства и подчинения.

Разделение гендерных сфер опиралось на идею о природном предназначении женщины для роли матери, жены и домохозяйки. «Как нежная и любящая мать, она определяла семейную атмосферу, дом, в котором она была хозяйкой, был местом отдыха для мужчины, чья активная жизнь протекала в мире работы, экономики и политики» [Mohrman 2001, 388–389].

Социально-экономические изменения в результате промышленной революции привели к разделению сфер работы и досуга, повлияли на отделение дома от тревог и проблем внешнего мира, в результате чего произошло превращение *house* в *home*. Обладание домом имело большое значение для буржуазного самосознания и для общественного признания. Жилье представляло собой пространственное выражение растущей интимности и private семейной жизни. «Кажущаяся сегодня само собой разумеющейся дифференциация различных пространств и наличие private пространства – это результат развития буржуазной жилищной культуры» [Schmidt-Lauber 2003, 161].

Если ранее жилье воспринималось как помещение для любых целей, то с XVIII в. развиваются новые потребности, которые нашли свое отражение в обстановке жилища, в растущей дифференциации жилых помещений и росте private некоторых действий (например, сна, сексуальной жизни, гигиены и т. п.). В конце XIX в. во всех слоях населения (и у мужчин, и у женщин) нарастает желание иметь свое личное пространство. Постепенно появляется «настоячивое желание интимности для семьи, для супружеской пары и для каждого человека в отдельности» [Перро 2018, 117].

Приватность долгое время была привилегией обеспеченных слоев населения, поскольку для нее требуется место, время и финансовые возможности. Это постепенно стало меняться в XX в., когда люди начинают стремиться к индивидуальному обустройству собственной жизни. Изначально элитарный жизненный стиль становится доступен для широких слоев населения.

Середина XX в. характеризуется уходом индивида из публичной сферы в приватную, когда обостряется желание личного покоя и комфорта после тяжелых условий военных лет. В этой ситуации собственный дом превращается в убежище, символ стабильности и надежности. В это время в европейских странах происходит рост общего благосостояния и строительство социального жилья, обеспечивающего комфортное проживание. Возникают массовое производство и массовое потребление.

Домашнее хозяйство претерпело глубокие изменения в связи с благоустройством коммунальной инфраструктуры. «Подключение квартир к системам воды и электроэнергии не только упразднило самую грязную и утомительную работу (ежедневная доставка воды, угля или дров, разжигание огня, вынос золы, грязной воды и экскрементов); оно также позволило частично механизировать домашние работы благодаря бытовой технике» [Лефшер 2015, 460]. Домашний труд был облегчен также благодаря массовому производству полуфабрикатов, консервов, готовой одежды и домашнего текстиля, гигиенических товаров и моющих средств.

Рост материального благосостояния изменил традиционную роль женщины как домашней хозяйки. Благодаря облегчению домашнего труда, развитию системы детских садов, социальных и медицинских учреждений, частично взявших на себя заботу о детях и пожилых людях, женщина теперь могла заняться образованием и карьерой. Исчезает разделение на мужской мир работы и женский мир дома и семьи. Однако, хотя домашний труд был значительно облегчен с помощью техники, одновременно повысились требования – к чистоте дома и одежды, к воспитанию детей и т. п.

Одновременно также менялись нормы совместной жизни. В результате возникнове-

ния «общества всеобщего благоденствия» произошло функциональное снижение роли супружества и семьи как единственного места предназначения женщины. XX в. характеризуется ростом женской независимости. Женщины впервые в истории получили возможность жить отдельно, самостоятельно выбирать себе партнера, регулировать количество детей. В результате возможности получить образование и квалифицированную работу, а также развития социальных служб, увеличилась их независимость от института брака, превратившегося в союз добровольно проживающих друг с другом людей, основанный на личных симпатиях.

XXI в. характеризуется дальнейшим разрушением традиционных ценностей. Дом превращается в «машину для жилья». Приоритет отдается миру работы. Люди часто переезжают, меняют страны и континенты, проживая на съемных квартирах. В результате глобализации утрачивается ощущение индивидуального приватного пространства, наполненного семейными смыслами. Человек более не укоренен в доме, поскольку не имеет времени, чтобы освоить его, наделить чертами своей личности.

В результате развития современных информационных технологий размываются границы между приватным и публичным пространствами. Сегодня из дома можно производить банковские операции, покупки, общаться с друзьями и знакомыми. Растет количество профессиональных занятий, которыми можно заниматься, не покидая своей квартиры.

Однако технический прогресс несет не только облегчение жизни, но и новые страхи, связанные с вторжением в сферу приватного с помощью новейших технологий. Из-за угрозы возможности тотального наблюдения вновь актуальной становится проблема защиты приватного пространства.

Таким образом, на протяжении последних двухсот лет наблюдаются значительные изменения в отношении к приватному пространству в европейской культуре. Приватность зависит от историко-культурного контекста. Потребность в приватном пространстве растет вместе с развитием индивидуалистического начала, что происходит при переходе от

традиционного общества к обществу Нового времени. В эту эпоху вместе с процессами индустриализации и урбанизации происходит разделение сфер работы и дома, публичного и частного, мужской и женской областей деятельности. Дом закрывается от посторонних, превращаясь в уютное частное пространство семьи, основанное на любви и заботе, в противоположность тревогам и стрессам внешнего мира. Если в XIX в. только обеспеченные люди могли позволить себе частность, то в XX в., вместе с внедрением «благополучия для всех» это благо получают широкие слои общества. В последнее время высказываются опасения по поводу повсеместного внедрения цифровых технологий, обеспечивающих возможность надзора над индивидами, поэтому проблема локальной частности не теряет своей актуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбус 1999 – *Арбус Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Брайсон 2014 – *Брайсон Б.* Краткая история быта и частной жизни. М.: АСТ, 2014.
- Вулф 2019 – *Вулф В.* Своя комната. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Лефочер 2015 – *Лефочер Н.* Материнство, семья и государство // История женщин на Западе. В 5 т. Т. 5. СПб.: Алетейя, 2015. С. 449–470.
- Перро 2018 – *Перро М.* Функции семьи // История частной жизни. В 5 т. Т. 4. М.: НЛЮ, 2018. С. 101–118.
- Хайдрих 1996 – *Хайдрих Х.* Нарушение границ. Дом и народная культура в Раннее Новое время // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в образах и рефератах. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 200–202.
- Чеснокова 2020 – *Чеснокова Л.В.* Право на уединение как условие оформления опыта частности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2. Ч. 2. С. 434–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451.
- Beyvers et al. 2017 – *Beyvers E., Helm P., Hennig M., Keckeis C., Kreknin J., Püschel F.* Einleitung Räume und Kulturen des Privaten. Darmstadt: WBG, 2017. S. 1–17.
- Budde 2009 – *Budde G.* Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Darmstadt: WBG, 2009.
- Dülmen 2005 – *Dülmen R. van.* Kultur und Alltag in der frühen Neuzeit. Bd. 1. Das Haus und seine Menschen. München: Beck, 2005.
- Eibach 2015 – *Eibach J.* Das Haus in der Moderne // Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 19–37.
- Habermas 2002 – *Habermas R.* Frauen und Männer des Bürgertums. Göttingen: V&R, 2002.
- Hatje 2015 – *Hatje F.* Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18-19. Jahrhunderts // Das Haus in der Geschichte Europas. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 503–526.
- Mohrmann R. Individuelle Gestaltung im Privaten: häusliches Leben // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Köln: Böhlau, 2001. S. 385–406.
- Ritter 2008 – *Ritter M.* Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden: vs Verlag für Sozialwissenschaften, 2008.
- Sarti 2015 – *Sarti R.* Ländliche Hauslandschaften in Europa in einer Langzeitperspektive // Das Haus in der Geschichte Europas. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 175–194.
- Schmidt-Lauber 2003 – *Schmidt-Lauber B.* Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt: Campus, 2003.
- Schmidt-Voges 2015 – *Schmidt-Voges I.* Das Haus in der Vormoderne // Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 1–18.
- Westin 2007 – *Westin A.* The Origins of Modern Claims to Privacy // Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 56–74.

REFERENCES

- Ariès Ph., 1999. *Centuries of Childhood.* Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta.
- Bryson B., 2014. *At Home: A Short History of Private Life.* Moscow, AST Publ.
- Woolf V., 2019. *A Room of One's Own.* Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ.
- Lefocher N., 2015. Motherhood, Family and State. *History of Women in the West. In 5 vols. Vol. 5.* Saint Petersburg, Aleteya Publ., pp. 449-470.
- Perrault M., 2018. Family Functions. *History of Private Life. In 5 vols. Vol. 4.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., pp. 101-118.
- Heidrich H., 1996. Violation of Boundaries. House and Folk Culture in the Early Modern Era. *History of*

- Mentality, Historical Anthropology. Research in Images and Abstracts*. Moscow, Izd-vo RGGU, pp. 200-202.
- Chesnokova L. V., 2020. The Right to Be Let Alone As a Condition for Formalizing Privacy Experience. *Idei i idealy*, vol. 12, no. 2, pt. 2, pp. 434-451. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451.
- Beyvers E., Helm P., Hennig M., Keckeis C., Kreknin J., Püschel F. Einleitung. *Räume und Kulturen des Privaten*. Darmstadt, WBG Publ., S. 1-17.
- Budde G., 2009. *Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert*. Darmstadt, WBG Publ.
- Dülmen R. van, 2005. *Kultur und Alltag in der frühen Neuzeit. Bd. 1. Das Haus und seine Menschen*. München, Beck Publ.
- Eibach J., 2015. Das Haus in der Moderne. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 19-37.
- Habermas R., 2002. *Frauen und Männer des Bürgertums*. Göttingen, V&R Publ.
- Hatje F., 2015. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18-19. Jahrhunderts. *Das Haus in der Geschichte Europas*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 503-526.
- Mohrmann R., 2001. Individuelle Gestaltung im Privaten: häusliches Leben. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Köln, Böhlau Publ., S. 385-406.
- Ritter M., 2008. *Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften Publ.
- Sarti R., 2015. Ländliche Hauslandschaften in Europa in einer Langzeitperspektive. *Das Haus in der Geschichte Europas*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 175-194.
- Schmidt-Lauber B., 2003. *Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt, Campus Publ.
- Schmidt-Voges I., 2015. Das Haus in der Vormoderne. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 1-18.
- Westin A., 2007. The Origins of Modern Claims to Privacy. *Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 56-74.

Information About the Author

Lesya V. Chesnokova, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Sociology, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russian Federation, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

Информация об авторе

Леся Владимировна Чеснокова, кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра социологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Российская Федерация, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>